

Немировиче-Данченко, напечатанные там, — чтение замечательное и именно в вашем вкусе, насколько я ваш вкус знаю. Вы получите удовольствие от прозрачной, дающей все видеть так, как оно есть, простоты изложения. И не удивляйтесь возникающему чувству, будто вы до сих пор ничего, в сущности, не знали о человеке, портрет которого здесь написан, о Немировиче-Данченко. Не говорите в объяснение этому чувству, что вы прежде мало читали о нем: специалисты по истории театра, поверьте мне, испытывают то же ощущение. До сих пор мы не знали.

Русский интеллигентный человек, читал он или не читал труды про МХАТ, откуда-то представляет себе не то чтобы историю его, а его людей, его дни: как из «Славянского базара» уже на ночь глядя поехали продолжать разговор в Любимовку, как играли тени на сводах палат в Ростове Великом, куда собрались напиться впечатлениями для «Царя Федора», как сиял под солнцем белизной и синевой Крым — ехали показывать Чехову спектакли... Такое не объясняется живучестью театральной легенды или анекдота, да и запомнилось вовсе не анекдотическое — простое, домашнее. Тут, рассуждали мы с вами, живое тепло какой-то общей всем семейной памяти. «Преданья русского семейства». Но как раз пора, о которой рассказывает профессор Виленкин, нашей «семейной памятью» не была вобрана.

Не знаю, восполнимы ли подобные изъяны, однажды возникшие; знаю только, что ученые труды восполняют их очень мало: видимо, каналы, сообщающие науку с тем, что можно бы назвать емкостью общей памяти, слишком узки. Когда же дело идет о времени, которым занят в воспоминаниях Виленкин (а он пишет о последних десяти годах жизни Немировича-Данченко начиная с 1933 года), эти каналы надо еще и прочищать от осадков информации неверной. Так вот, повторю: не знаю, восполнимы ли изъяны общей памяти, но если восполнимы, то именно из таких вот «первоисточников». Оно должно откуда-то взяться, достояние общей памяти: кто-то должен передать бывшее как свое и вполне по правде.

Виталий Яковлевич Виленкин начал работать в Художественном театре с конца 1933 года. Входить во все, что составляет жизнь театра, ему, тогда литературному секретарю дирекции, было не позволено, а предписано: «Не можно, а должно».

По своим служебным обязанностям я знаю архив МХАТа. Мне знакома тень неловкости, когда читаешь резкости о ком-то, не предназначавшиеся для чужих глаз. Это дурная сторона нашей работы; вот вышло так, что я два года подряд читаю чужие письма, и самые интимные. Спрашивается, по какому праву?.. Но что до имени Виленкина, оно встречалось мне лишь в контексте, позволяющем сказать: среди людей, высоко служивших тогда Театру (здесь писали так — с большой буквы), этот моло-

дой человек, кроме таланта, ума и ясности взгляда, отличался еще и всецелым отсутствием эгоистических желаний.

Вообще-то самоотверженность штука опасная. Она грозит мстительными разочарованиями: сотворивший себе кумира его же и свергнет. Поэтому оговорюсь: в самоотверженности автора мемуаров есть мера и благородство; ей сопутствуют здравость, зоркость и, как ни странно тут это слово, терпимость. Быть терпимым к великим людям рядом с тобою не так-то просто. Немногим бывало дано чтить и одновременно понимать и жалеть.

Мне думается, что художественные мемуары, воспоминания как литературный жанр позволяют, даже заставляют острее думать о «нравственном отношении искусства к действительности», о том, в какой мере нравственно осуществление «права на свой взгляд», права на сдвиг. Интересно размыслить, контролируется ли чем-то мера сдвига, претворение реальности в художественное создание и контролируется ли чем-то, с другой стороны, право проникания в живое, в неприкосновенное, кровно и лично принадлежащее «материалу» (все равно — живому или когда-то жившему человеку или же человеку вообще как родовому понятию).

На мой взгляд, воспоминания Виленкина в чем-то дают образец отношения к предмету; ощущение их талантливости не есть ли награда за преданность изображаемому, за гармонию пронизательности и скромности? Но отложим разговор, пока не прочтете.

И. Соловьева.

★
В. ВИЛЕНКИН. О Владимире Ивановиче Немировиче-Данченко. «Театр», 1978, № № 10, 11.

Дорогой мой друг! Вряд ли вы подписаны на «Театр», но разыщите прошлогодние номера за октябрь и ноябрь. Воспоминания о

НОВЫЙ МИР

- 7

1979

6